

Образовательные стратегии в условиях расслоения российского общества

О. Г. Кокорева

Углубление кризиса является предпосылкой перехода общества в состояние риска. Процесс реформирования сферы образования не может быть полностью прогнозируем, возникающий при этом риск развивается в определенных жизненных ситуациях. Таким образом, процессы реформирования в образовании усиливают неопределенность, с целью снижения которой проводится мониторинг современных образовательных стратегий и исследуются факторы риска в сфере образования.

Ключевые слова: образовательные стратегии, риски, неопределенность, общество, государство, стандарты, реформы, изменения, нестабильность, исследования, молодежь.

Educational Strategy in the Conditions of Stratification of the Russian Society

O. G. Kokoreva

Aggravation of a crisis is a prerequisite of the society transition to a risk condition. The process of educational system reformation can not be predicted entirely, the coming risk grows in the certain life situations. The process of educational system reformation intensifies uncertainty. The current educational strategies monitoring is conducted and risk factors in educational system are researched.

Key words: educational strategies, risks, uncertainty, society, government, reforms, changes, instability, researches, the youth.

Выбор образовательных стратегий приобретает все более непредсказуемый, а потому рискованный характер. Факторы риска в образовании определяются недостатками правового обеспечения образовательной политики; несоответствием существовавшего обучения новым реалиям; усилившимися внутривролевыми и межролевыми противоречиями; расширяющимся плюрализмом форм образования и неравенством возможностей включения в них различных групп молодежи. Проводимые реформы, решив часть перечисленных противоречий, породили другие, способствуя возникновению новых ситуаций риска (например, введение ЕГЭ, реструктуризация сельских школ, обернувшаяся их закрытием). Социальный риск возникает при переходе от неопределенности к определенности и представляет собой потенциальную или реальную угрозу конкретным общественным структурам, группам, личностям, ставя их перед необходимостью выбора. Углубление кризиса является предпосылкой перехода общества в состояние риска. Невозможность или неспособность найти приемлемый выход из него приводит к эскалации неопределенности и постоянному воспроизводству риска.

Процесс реформирования сферы образования, связанный с инновациями в ней, не может быть полностью прогнозируемым, а значит, предусматривает известную долю риска. Ощутимые для каждого человека проявления риска возникают, развиваются и угасают в конкретных жизненных ситуациях (социального старта, самореализации, конструирования идентичностей и др.). Следовательно, в индивидуально-личностном плане риск – процесс ситуационный. Он проявляется в неравенстве социального старта; в ограничении возможностей самореализации на всех стадиях образовательного процесса, в дисфункции образования как института социализации, проявляющейся в проявлении

ценностно-нормативной неопределенности при формировании жизненной позиции учащихся.

Необходимо остановиться на проявлении неопределенности в образовании, которая является предпосылкой возникновения риска. Ее основным источником, причем не только в России, но и на Западе, является все большая утрата образованием функций профессионально-ориентированной подготовки и социальной мобильности. Сегодня свыше 50 % выпускников вузов работают не по специальности (то есть обучение в вузе становится своеобразным «общим» высшим образованием) или не могут найти работу. Следовательно, наличие высшего образования является необходимым условием успешной интеграции на рынке труда. Не добавляя определенности образованию и бесконечно продолжающиеся процессы его перестройки/модернизации/реформирования.

Одной из стратегических целей реформирования образования является развитие интеллектуального потенциала молодого поколения. Результаты исследований показывают, что рост уровня образованности молодежи наблюдаются по всем видам образования, кроме среднего специального. В структуре потребностей образование прочно удерживается на втором месте. В жизненных планах большинства молодых людей присутствуют долгосрочные перспективы, связанные с получением профессионального и высшего образования. Окончание средней школы рассматривается молодыми людьми не как верхняя планка образования, а скорее как трамплин для энергичного повышения социального статуса.

Не видя четких целей затянувшихся реформ, молодые люди часто лишаются надежных ориентиров в выборе собственных образовательных стратегий. Ситуация обостряется новой парадигмой образования как сферы услуг с акцентом на расширение ее коммерческих форм. По данным института социологии Российской академии наук, в 2004 г. численность молодежи, обучающейся

ся на бюджетной основе, уменьшилась с 73,7 % до 66,2 %, а доля вынужденных частично или полностью оплачивать образовательные услуги выросла на 10 % и составила 33,5 %. Это при том, что риск не найти средства на обучение даже в обеспеченных слоях учащихся указал 21 % опрошенных, а в малообеспеченных – 36,8 %. Поиск денег на учебу является одной из наиболее насущных проблем практически для каждого второго учащегося (40,8 %). В результате молодые люди стали ниже оценивать собственные возможности при поступлении в учебные заведения, причем степень актуальности этой проблемы возрастает. Если в 2004 г. она оценивалась в 3,28 балла по 7-балльной шкале, то в 2006 г. – 3,85. Отсутствие средств на обучение становится важнейшим фактором риска на этапе социального старта для многих молодых людей. Полностью доступно платное образование лишь для 12,7 % молодежи, для 42,4 % оно сопряжено с необходимостью отказывать себе во всем, а для 44,8 % остается недоступным.

Без пересмотра политики доступа к образованию на государственном уровне вряд ли скоро удастся преодолеть такой взрыв.

Неопределенность отражается и на эмоциональном состоянии молодежи. Возросло число молодых людей (в 2006 г. около 20 %), испытывающих тревогу и даже страх в связи с невозможностью получить образование. Согласно исследованиям, рост обеспокоенности перспективой завершения образования резко возрастает из-за постоянного повышения оплаты. Усиливается разочарование молодежи в социальной значимости знаний и убежденность в утилитарности дипломов. Доля респондентов с инструментальными ценностями среди живущих в условиях риска выше, чем в общем распределении по группам учащейся молодежи. Если учесть, что в условиях неопределенности и риска живет четверть (25 %) учащейся молодежи, можно прогнозировать негативное влияние подобной зависимости на изменение ее (молодежи) образовательного потенциала.

Исследование в центральных вузах трех регионов – Чувашии, Саха Якутии и Марий Эл – показали, что 36 % выпускников средних школ связывают с ЕГЭ неопределенные надежды на поступление в вузы. Наблюдается явная поляризация ожиданий выпускников: в то время как 38 % считают ЕГЭ более справедливым механизмом оценки, 39 % так не думают. Неопределенными последствиями этого эксперимента представляются для 23 % молодых людей. Неоднозначны мнения родителей и учителей. Примерно каждый 4-й выпускник и родитель считает, что в связи с ЕГЭ шансы на поступление существенно

повышаются, среди учителей процент имеющих подобные ожидания значительно ниже (16 %). И то же время учащиеся, родители и учителя ожидают лишь незначительного повышения объективности оценки знаний (40–42 %). Наиболее скептическую позицию занимают непосредственные участники ЕГЭ – учащиеся, среди которых процент ожидающих снижения объективности в 1,9 раза выше, чем среди родителей и учителей. Половина первокурсников (49,3 %) считает, что равных условий для выпускников школ ЕГЭ не создает. Среди учащихся позитивные ожидания составили 17 %, что на 9–12 % ниже, чем в группе родителей и учителей. По самооценке, 67 % из них пережили стресс и переживания в ходе ЕГЭ, что заметно выше ожидаемого со стороны родителей и учителей (58–59 %). Налицо, таким образом, сохранение социальной напряженности в среде учащихся в связи с экспериментом по ЕГЭ.

В то же время с реформой связывается надежда на стабилизацию ситуации в образовании. Так, подавляющее большинство участников эксперимента (89 % учителей, 85 % родителей, 72 % учащихся) высказались за модернизацию образования, с которой были связаны надежды, в частности, на обеспечение доступа к образованию, улучшение качества образования и снижение оттока молодежи из села. Соглашаясь с необходимостью реформы сельских школ, респонденты назвали среди факторов, ее затрудняющих, низкую обеспеченность учебниками и учебными пособиями. Наблюдаются также заметные расхождения между представлениями учащихся об основных задачах сельских школ и задачами, которые ставятся и реализуются в рамках экспериментальной работы по модернизации общего образования.

Целесообразно определить характер рисков, возникающих в сфере образования, рассматривая функции, выполняемые этим социальным институтом. Прежде всего, это функции, связанные с реализацией личности, где образование остается важнейшим каналом восходящей мобильности. Поскольку образованию принадлежит определяющая роль в воспроизводстве социальной структуры, замещении общественно необходимых профессиональных позиций, этот аспект заслуживает более подробного освещения.

Основной риск здесь заключается в структурной несбалансированности образования, неадекватности его общественным потребностям. Можно наблюдать, по крайней мере, в крупных городах, перепроизводство ряда специалистов, таких как юристы, экономисты, бухгалтеры и др., о чем социологи постоянно говорят. Причем существенную роль в «затоваривании» рынка труда

обладателями дипломов подобных «модных» профессий сыграли открывавшиеся на протяжении 90-х годов многочисленные вузы, отличающиеся подчас низким уровнем кадрового состава. Тем не менее, уже сейчас производству не хватает токарей, фрезеровщиков, которых вряд ли можно заменить трудовыми мигрантами. Как показывает опыт, последние менее всего подходят для выполнения квалифицированной работы – они ориентированы на иные сферы деятельности. В регионах же профессиональные училища передают в муниципальный бюджет, на баланс города, встает вопрос об их существовании.

Говоря о тенденциях риска в образовании молодежи, нельзя не учитывать последствий вступления России в Болонский процесс. Жизнь уже не раз показала неумение отечественной системы образования отстаивать свои позиции. Некритичное копирование чужого опыта, особенно американского, от которого отказываются другие страны, содержит риск растерять больше, чем приобретет молодое поколение в результате подобных реформ. Есть основания опасаться, что дистанционное образование не восполнит того, что дает атмосфера вуза, преподаватель как личность, как профессионал, участие в коллективных формах обучения. Таким образом, один из основных рисков в образовании молодежи – низкое качество подготовки, а существующие стандарты не способствуют его повышению.

Риск снижения качества подготовки усиливается и практикой тестирования, которая актуализирует лишь остаточные знания, приводя к тому, что молодой человек разучивается самостоятельно решать творческие задачи. Государство же должно финансировать разработку не столько тестовых заданий, сколько заданий на проявление умения и творчества, тогда и студент будет овладевать соответствующими навыками. Если ситуация не изменится, риск обладать профессиональной некомпетентностью для молодежи усилится.

Следующая проблема и связанный с ней риск – неопределенность будущей профессиональной траектории, отсутствие гарантий получения работы по профилю выбранной специальности. В процессе обучения некоторые студенты убеждаются в ошибочности своего выбора, уже на 4–5 курсах трудоустраиваются в другой области, а затем просто получают диплом о высшем образовании. К упомянутой проблеме примыкает еще одна – размытость личностных координат становления специалиста. Этот риск не будет преодолен, пока в обществе не получит осмысления концепция личностного развития, но такой фак-

тор риска никак не регулируется сферой образования.

Исследователи установили, что в силу нестабильности образовательного пространства и непрогнозируемости его изменений молодежь проявляет ситуативную мотивацию, то есть рискует не мотивированно, а импульсивно. Можно выделить несколько ситуаций, когда проблема рационального выбора наиболее тесно связана с перспективой управления риском (его купирования или уменьшения) в сфере образования. Первая ситуация – выбор общеобразовательного учреждения. На современном этапе он осложняется неопределенностью учебных программ, нехваткой преподавательских кадров и неодинаковыми условиями обучения, что обуславливает неравноценное образование разных групп молодежи и, в конечном счете, ведет к их дифференциации по уровню образования. Тем не менее, ошибочный выбор способен затруднить дальнейшую самореализацию молодого человека на начальных этапах жизненного пути.

Следующая ситуация выбора связана с продолжением образования в вузе или отказом от дальнейшего обучения. На этом этапе появляются риски, обусловленные противоречиями между индивидуальными наклонностями обучаемого и выбранной специальностью, когда из-за неопределенности интересов либо в результате того, что выбор сделан не самостоятельно, а по настоянию родителей, учеба не приносит удовлетворения. Могут сказываться и противоречия между требованиями, предъявляемыми в процессе обучения, и способностями студента, что нередко случается на этапе социального старта, когда мотивация и потенциальные сущностные силы молодого человека неустойчивы (не рассчитал своих сил и не смог продолжать обучение). Источником риска является также противоречие между спросом и предложением на рынке труда. Особый риск связан с существованием коммерческого образования, для которого характерно снижение мотивации и общего уровня квалификации выпускников.

Одним из внешних рисков является социальный статус семьи. Каждый десятый молодой человек не получает даже девятилетнего образования. Существует социальная опасность потерять целое поколение. При этом складываются две системы образования: массовая и элитная. Первая дает дипломы, а вторая формирует потенциал для дальнейшей профессиональной карьеры.

В заключение следует отметить, что в статье раскрываются перспективы исследования образования молодежи в условиях реформирования российского общества и предлагаются пути решения проблем социального управления.